

Т.Н. Джаксон

ЧУВСТВО ПРОСТРАНСТВА

Об исследовании Fabienne L. Michelet «Creation, Migration and Conquest. Imaginary Geography and Sense of Space in Old English Literature» (Oxford University Press, 2006, 297 pp.)*

Книга швейцарской исследовательницы Фабьен Л. Мишле, основанная на ее докторской диссертации, защищенной в 2003 г. в Женевском университете, посвящена изучению англосаксонского *пространственного imaginaire*. Термин *l'imaginaire* — «воображаемое», предложенный и широко используемый Жаком Ле Гоффом¹, трудно поддается определению, поскольку «воображаемое» по природе своей не имеет четких границ. Ле Гофф определяет его на основании трех «референтных систем», с которыми у «воображаемого» имеются общие точки соприкосновения. Прежде всего, на понятийном уровне делается попытка разграничить «воображаемое» и «представление». Последний термин обозначает «преобразование воспринятой индивидом внешней реальности в ментальный образ», «идею» этого реального явления или события, в то время как «воображаемое» «занимает лишь часть поля представления» и относится «к области изначально креативной, поэтической»: «воображаемое» создается фантазией, базирующейся на литературных или художественных образах. Далее следует понятие «символического». О символическом значении можно говорить в том случае, если изучаемый объект «вписывается в определенную систему ценностей, исторически сложившуюся или идеальную». Для точного определения категорий «воображаемого» и «символического» их тоже необходимо четко разграничить. Кроме того, по мнению Ле Гоффа, следует провести границу между «воображаемым» и «идеологическим», каковое «является носителем мировоззрения, стремящегося

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-01-00058.

¹ См.: *Le Goff J. L'imaginaire medieval. Essais. Paris, 1985; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.*

навязать представлению смысл, искажающий реальность, как фактическую, так и воображаемую». Ученый не сомневается в том, что любые документы, с которыми работает историк, содержат частицу «воображаемого». Образы, порожденные воображением, воплощены не только в иконографической и художественной продукции, но они также «населяют универсум ментальных образов». Историка интересуют «коллективные образы, возникшие в ходе истории, образы, формирующиеся, трансформирующиеся, деформирующиеся, образы, получающие свое выражение в словах, сюжетах». Историческое исследование непременно должно включать в себя изучение образов, порожденных воображением общества². Итак, согласно Ле Гоффу, *l'imaginaire* представляет собой часть образного поля, но вместе с тем и нечто, выходящее за его пределы, поскольку это — созидательная часть мысленного описания реальности. *L'imaginaire* — это всегда культурный продукт, но это и историческая реальность³.

В работе Ф. Мишле ставится вопрос о том, как конкретное общество (англосаксонская Англия, т.е. Англия VI–XI вв.) думает о пространстве, создает определенную пространственную организацию, обозначает свое место в этом пространстве, определяет свою идентичность. В свете работ Анри Лефевра, Жака Ле Гоффа, Поля Зюмтора исследовательница формулирует три возможных уровня анализа. Прежде всего, существует *топографическое пространство*. Оно требует изучения физической географии места обитания социальной группы, ландшафтных характеристик, пространственного распределения групп населения. На топографическом уровне исследуются вопросы освоения территории, ее заселения и преобразования. Второй уровень анализа связан с *культурой пространства*. Здесь рассматриваются присущие традиции концепты пространства, сохраненная традицией информация о географии и космологии, эволюция представлений о пространстве. Наконец, на третьем уровне изучается пространство как *ментальная структура*. Отличие от второго уровня заключается в том, что здесь исследуется пространственное воображение индивида и общества. К примеру, оценочные характеристики пространства — *внутри–наружи, выше–ниже* и т.п. с присущим им символическим значением — наполняют пространство смыслом и более живучи, чем представления о конкрет-

² Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. С. 5–12.

³ Le Goff J. Qu'est-ce que l'histoire de l'imaginaire // Sens et place des connaissances dans la société. Paris, 1986. Т. I. P. 239.

ном пространстве. Анализ Ф. Мишле, как она утверждает, занимает место на границе второго и третьего уровней, в их переплетении и взаимовлиянии. Хотя они и связаны с различными аспектами пространства, эти два уровня анализа трудно разграничить, ибо их объект — это всегда продукт человеческого мышления.

Образ физического пространства — результат не только его восприятия, но и его культурной концептуализации⁴. Пространство никогда не нейтрально. Его нельзя изучить как таковое. Оно, точнее его образ, несет в себе предыдущие знания и оценочные суждения. Пространство не есть объективная категория. Ф. Мишле указывает на три необходимых условия изучения пространства, сформулированные Полем Зюмтором⁵: во-первых, пространство следует рассматривать только как мыслительную категорию — человеческий фактор всегда следует принимать в расчет; во-вторых, необходимо помнить, что как мыслительная категория пространство имеет целью наполнить смыслом окружающий мир и поместить его в определенные хронологические рамки; в-третьих, не следует забывать, что всякая попытка человека понять окружающий его мир приводит к созданию символического окружения. В результате ни одна точка пространства не нейтральна, не лишена значения. В работе Ф. Мишле ставится задача исследовать культуру пространства, нашедшую отражение в географических описаниях и на картах мира, с одной стороны, и образ пространства и пространственные представления, созданные пространством как мыслительной структурой, — с другой.

Важным понятием для исследования англосаксонского чувства пространства, наряду с *l'imaginaire*, выступает *ментальная карта*. Под *ментальной картой* Ф. Мишле понимает воображаемую картину мира, состоящую из образов непосредственного окружения, всего мира и/или всего космоса, на которую оказала влияние традиция и которая наполнена смыслом. Исследовательница выделяет несколько самых важных аспектов *ментальной карты* и иллюстри-

⁴ Ср.: «Образ — это максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности» (*Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 81–88). Ср. также: «Каждое место в пространстве — это не только реально наблюдаемые объекты и признаки; каждое место бесконечно интерпретируется, оценивается; так создаются специфические *пространства представлений*» (*Митин И.И.* На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 140).

⁵ *Zumthor P.* La Mesure du Monde. Paris, 1993. P. 15.

рует их примерами из англосаксонской литературы (подчеркну, что речь идет не о специальных географических сочинениях, а, в первую очередь, о литературных нарративных памятниках).

Географические расстояния на ментальной карте не всегда измеряются при помощи объективных критериев. Оценка расстояния прежде всего эмоциональна. Так, к примеру, болото чудовища Гренделя в «Беовульфе» — место таинственное, но находится где-то рядом; оно появляется всякий раз, когда по ходу повествования появляется соответствующий персонаж. Или еще один пример: отстояние Англии от континента (близко — далеко) трактуется в источниках то как что-то положительное, то как что-то отрицательное.

Любая политическая сила на ментальной карте получает свои — порой воображаемые — *границы* (пример из «Беовульфа»: чертог Хеорот, построенный королем Хродгаром). В раннем средневековье возрастает роль границ, поскольку все чаще возникает опасность вторжения извне, постоянно существует внешняя угроза. Для ментальной карты существенна оппозиция *внутри–снаружи*. Граница двойственна: с одной стороны, она разделяет внутреннее и внешнее, но, с другой стороны, она является тем местом, где внутреннее и внешнее соприкасаются. В архитектуре оппозиция *внутри–снаружи* имеет свою кульминацию в образе здания. Главная функция здания — привнесение порядка в пространственный хаос. Здание для людей выполняет защитную функцию. К примеру, чертог Хеорот в «Беовульфе» выполняет защитные функции, организует пространство в земле данов, является границей внешней тьмы и внутреннего света, служит местом соприкосновения светлых и темных начал; дверь этого зала — проход, соединяющий два различных мира, и это пространство не безопасно.

Границы вызывают к жизни понятие *центра* и служат возникновению оппозиции *центр–периферия*. Центр — не фиксированное место в пространстве, но по отношению к нему определяется периферия. Центр всегда наполнен определенным смыслом. На ментальной карте могут сосуществовать различные центры, при этом реальные географические и политические центры не всегда совпадают с вымышленными.

Центральность и маргинальность определяют место индивидуума в пространстве. Нахождение в пространстве — не чисто топографическое: оно является существенной составляющей в процессе *самоидентификации*. Раннее средневековье — время поиска территории, на которую может распространяться юрисдикция. Соответ-

ственно, локализация оказывается процессом самоидентификации. Ощущение идентичности приходит вместе с ощущением пространства. Хороший правитель должен знать землю и народы, на ней обитающие (таков, к примеру, англосаксонский король Альфред). Другими словами, знать пространство — это в каком-то смысле доминировать над ним.

Прежних обитателей какой-либо территории или претендентов на нее выгодно представлять в дурном свете (дикие, чудовища, нецивилизованные). В результате *осознания своей «особости» (othering)*, самоосознания, изображения себя иными, чем противники, можно как бы лишить противников прав на ту территорию, на которую они претендуют. Так, изображая Гренделя и его мать как чудовищ, автор «Беовульфа» «выводит их» из числа претендентов на власть над датским государством.

Итак, формирование ментальной карты, интерес к географическому и космологическому знанию являются следствием желания контролировать пространство, стремления полнее осознать собственную идентичность. Чувство пространства связано с местом индивидуума в пространстве, поскольку любое размышление о пространстве зависит от «точки зрения»⁶. Она задает центр и периферию, служит основой деления на своих и чужих. Организация пространства, самоопределение находят словесное оформление в повествованиях, обращенных в прошлое, но оправдывающих сегодняшнее распределение пространства, либо рисующих утерянный идеал и тем самым ориентированных в будущее. Ф. Мишле подчеркивает, что *повествовательная литература* играет важную роль в осуществлении контроля над пространством. Легенды о происхождении (*narratives of origin*) делятся на две группы. Первая из них — *narratives of creation* — это изложение космогонических мифов, отражающих изначальную организацию пространства. Вторая — *narratives of migration* — рассказы о преодолении больших расстояний и об установлении контроля над новыми территориями. В этих легендах происходит смешение временных и пространственных элементов, поскольку миграция — это не только перемещение в пространстве, но и временной промежуток. Легенды о происхождении, таким образом, оправдывают присвоение определенной территории, описывая либо ее появление в результате божественного акта творения,

⁶ Подробнее см.: Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 460–466.

либо ее захват (завоевание) в результате когда-то ранее имевшей место миграции.

Вопрос о выборе источников для такого исследования — вопрос непростой. Ссылаясь на Ле Гоффа⁷, Ф. Мишле предупреждает читателей против ограничений в отборе географических свидетельств. Информация должна квалифицированно извлекаться из разнообразных памятников. Древнеанглийских географических документов крайне мало: к ним могут быть причислены лишь вводный раздел, написанный королем англосаксов Альфредом к его переводу «Истории против язычников» Павла Орозия (ок. 890 г.), и Англосаксонская карта (*Cotton Map*, вторая четверть XI в.)⁸. К этой первой группе источников можно присоединить вторую, которую Ле Гофф характеризует как *les documents indirects, inconscients, ou involontaires* «документы косвенные, неосознанные или непроизвольные»⁹, и это — литературные сочинения. Они дают богатый материал для изучения *пространственного imaginaire*. Но они же задают и нелегкие методологические вопросы: как вычленишь из них географические свидетельства и как использовать косвенную информацию. Среди источников, избранных Ф. Мишле для анализа, оказываются сочинения древнеанглийской поэзии и документы более исторического свойства, такие как «Церковная история» Беды Достопочтенного или Англо-Саксонская хроника. Порой, как справедливо отмечает исследовательница, довольно трудно провести границу между поэтическим и историко-географическим, поскольку такие древнеанглийские поэмы, как «Исход» или «Беовульф», например, могут рассматриваться как поэтическая фиксация отдаленных исторических событий. Весь корпус используемых в исследовании текстов хорошо знаком специалистам по англосаксонской литературе. Ф. Мишле ставит своей целью не столько исчерпывающее привлечение источников, сколько их новое прочтение в свете обращенных к ним новых вопросов.

Основные географические идеи и космологические доктрины средневековья были в значительной степени наследием античности. Наряду с Плинием, Солином, Помпонием Мелой, Орозием, Этиком Истером, Равеннским Анонимом, также несомненным авторитетом

⁷ *Le Goff J. Discorso di chiusura // Popoli e paesi nella cultura altomedievale. Spoleto, 1983. Т. 2. P. 805–838.*

⁸ Датировка более четкая, чем у Ф. Мишле, по кн.: *Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. X.2.*

⁹ *Le Goff J. Discorso di chiusura. P. 813.*

выступала Библия. Расширение ментальной географии в англосаксонский период происходило, по мнению Ф. Мишле, в попытках правителей «поселить» своих предков в более широком христианском и/или германском мире, а также в описаниях христианских миссий в отдаленных землях.

Три части монографии Ф. Мишле, посвященные последовательно сотворению мира, миграциям и завоеванию, вполне самостоятельны, и эффект единства достигается накоплением материала для характеристики англосаксонского *пространственного imaginaire*.

Первая часть — «Творение». Одна из ее глав (гл. 2) изучает поэтические повествования о сотворении мира («Христос и Сатана», «Гимн» Кэдмона, «Видсид» и др.) и процесс установления контроля над пространством. Сотворение мира, как следует из рассказов о нем, связано с пространством. Пространством правит Бог. Падение Люцифера и изгнание Адама и Евы тоже связано с пространством. Бог решает (знает заранее), кому и где обитать в творимом им мироздании. Его противники этого не знают: Сатана не знает размеров ада; Адам, вкусив запретного плода, задается вопросом, как им с Евой жить в этом мире. Пространство конечно, но в нем есть и внутренние границы. Небо воспринимается как крыша, как божественный контроль, как объятие. Локализация — это всегда процесс идентификации. Повествования о возникновении космоса и земли рисуют идеальное устройство, при котором каждый владеет тем, что ему отведено, а попытки получить больше приравниваются к восстанию, бунту. И все же противники Бога нередко апеллируют к тому состоянию, когда пространство не было разделено. До первородного греха пространство не поделено так, как после него. История человечества — проклятие и завоевание. Обретение пространства — начало культуры, консолидация идентичности общества.

Другая глава первой части (гл. 3) концентрируется на сложной структуре пространства. Как утверждает Ф. Мишле, основная задача хорошего вождя — защита отечества, а эпическая поэзия хранит память об отвоевании пространства у чудовищ или враждебных соседей. Чтобы обозначить свое собственное пространство, обществу необходимо организовать себя вокруг какого-либо центра. Центр — это важный элемент как в реальной, так и в воображаемой пространственной организации. Соответственно, при наличии центра возникает и периферия, а значит, необходима граница, отделяющая «нас» от «них». В главе — на материале англосаксонских поэм

«Беовульф» и «Юдифь» — рассматривается соотношение центра и периферии, обсуждается неизбежность вторжения извне (с периферии в центр), фокусируется внимание на понятии границы.

Еще одна глава первой части (гл. 4) посвящена развитию, изменению ментальной карты на примере смены положения на ней Британии. На материале античных и англосаксонских текстов, а также раннесредневековых карт исследовательница демонстрирует метаморфозу: как из «дикой», «чужой» страны Британия превращается в новый политический, культурный и религиозный центр. Речь идет не о реальном положении страны. Ф. Мишле приводит в этой связи высказывание Патрика Готье Дальше о том, что источники содержат информацию не о реальности, а о концепциях¹⁰. Именно поэтому речь идет о ментальном, о том, что важно в географических описаниях, например, о связи знания и власти, или о локализации и самоидентификации. В этой главе прослеживается эволюция географических знаний от античности до англосаксонской Англии. Как можно видеть, классические авторы подчеркивают, что Британия расположена далеко от континентальной Европы, изолированно. У Цезаря развита идея, что чем дальше на север, тем более дикие народы проживают там; центр цивилизованного мира — Рим, а Британия лежит на окраине этого мира; да и в самой Британии та же ситуация — чем севернее, тем дальше от цивилизации. У Страбона периферия — место обитания диких и варварских существ; северный предел человеческого обитания — Иерне (Ирландия); жители Ирландии, по словам Страбона, — более дикие, чем жители Британии. А вот Тацит пишет об Агриколе, который сам побывал в Британии; и в его изображении Британия — самая северная земля, но не край земли, поскольку Агрикола первым проплыл вокруг нее и обнаружил ее островной характер. Край земли — это Туле, но в текстах Туле объединяется с Британией, т.к. лежит позади нее, и тем самым Британия оказывается пограничной территорией между своим и чужим.

От Пифея до Исидора Британия принадлежит к периферии. Но центр и периферия, границы и расстояния — понятия субъективные, и, конечно же, обитатели Британии не ощущали себя маргинальными жителями периферии. Личный опыт вступал в противо-

¹⁰ *Gautier Dalché P.* De la glose à la contemplation. Place et fonction de la carte dans les manuscrits du haut Moyen Age // *Géographie et culture: La représentation de l'espace du VIe au XIIe siècle.* Aldershot, 1997. P. 771.

речие с географическим знанием. Беда Достопочтенный и Эльфрик превращают Британию в страну, где живут люди и куда можно доплыть. Король Альфред при переводе Орозия переопределяет место Британии на карте мира. Как он это делает? Он не дополняет в процессе перевода скупое и не совсем точное описание Британии у Орозия; он радикальным образом реорганизует европейские границы, но не говорит ничего о границе северной; наконец, он включает в свой перевод отчет халогаландца Охтхере о плавании в Бьярмию, чтобы с его помощью внести ясность в вопрос о северных границах Европы. Бьярмы, по мнению Ф. Мишле, — это особая общность людей, как бы некий «центр»; Охтхере попадает туда, где сосуществуют знание и культура, но это на севере, севернее Британии, а значит, Альфред включает рассказ о бьярмах, чтобы сделать свой двор главным центром (у него три центра — Рим, двор Альфреда и бьярмы). Всё это, полагает Ф. Мишле, переключается с центрами «Беовульфа». Под пером Дикуила Туле превращается в реальный остров — Исландию¹¹, периферия отодвигается вдаль, а Британия смещается к центру. Происходит смещение перспективы: центр описания у Дикуила — Британия; двор Альфреда — это то место, куда прибывают путешественники; их отчеты служат расширению общего географического кругозора; в свою очередь, географические знания — это свидетельство власти. Западносаксонский королевский двор тем самым символически расширяет свой контроль над территориями, открытыми и помещенными на карту во время этих путешествий.

Изменение положения Британии можно проследить и с помощью картографических свидетельств. Карта, помимо чисто географических данных, всегда содержит дополнительную информацию. На ней отражаются космологические, политические или религиозные взгляды ее автора. Кроме реальной картины, в ней содержится мысленная картина. Особенно это справедливо относительно *mappe mundi*, которые воспроизводят реальность, не поддающуюся восприятию. Изображение на *mappe mundi* всегда условное (нет точки в реальном пространстве, с которой можно было бы увидеть то, что изображено на такой карте). Карты — это способ структурирования мира в соответствии с различными социальными и политическими связями. Карта — атрибут власти. Хорошему правителю необходимо

¹¹ Ср.: Джаксон Т.Н. *Ultima Thule* в западноевропейской и исландской традициях // ДГ. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 63–72.

знание мира и (символическое) доминирование в нем, т.е. способность воспроизвести его картографически¹², его измерение (так, для Дикуила, по его утверждению, сведения, собранные специальными людьми, посланными императором Теофилом, важнее сведений Плиния). Создание карты — всегда вопрос установления центра и периферии, выяснение, где «мы» и где «они». На Альбийской карте (Испания или юг Франции, втор. пол. VIII в.) Британия помещена на краю ойкумены; карта подчеркивает ее изолированность¹³. На Рипольской карте (Каталония, 1055/56 г.) Британия и Ирландия лежат во внешнем океане¹⁴. На Сен-Северской карте (Гасконь, сер. XI в.) Британия — один из четырех островов на севере во внешнем океане¹⁵. Всё это южные карты; в отличие от них, *Cotton Map* — Англосаксонская карта (Кентербери, 2-я четв. XI в.) — создана в Англии¹⁶ (стоит подчеркнуть, что это — единственная сохранившаяся карта англосаксонского периода). Здесь Британия окружена островами, к тому же правильно показана ее соотнесенность с континентом. Британия здесь вовсе не на периферии. Она больше по размеру, чем должна бы быть. Да и ее окруженность островами указывает на ее, пусть локальную, центральность.

Итак, король Альфред при переводе Орозия и автор *Cotton Map* изменяют границы Северной Европы и минимизируют периферийность, маргинальность Британии. Центральность и периферийность меняются местами — Британия становится центром. Изменяя свое географическое положение, островные авторы по-новому интерпретируют самих себя. При этом происходит перемещение религиозного центра. Ряд примеров из Англо-Саксонской хроники и некоторых других источников демонстрирует, что Британия встает в один ряд с Иерусалимом, Афинами и Римом, занимая свое место в христианской истории.

Вторая часть монографии Ф. Мишле — «Миграции». Ее первая глава (гл. 5) посвящена анализу древнеанглийских агиографических поэм, в которых рассказывается о том, как святые (Андрей, Елена, Гутлак) отправлялись в неизвестные и дальние земли с целью отвоевания их для христианства. В результате этих предприятий ментальное пространство расширялось, пограничные территории

¹² *Gautier Dalché P.* Tradition et renouvellement dans la representation de l'espace géographique au XIe siècle // *Géographie et culture*. P. 125.

¹³ *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. VII.1.

¹⁴ Там же. XII.1.

¹⁵ Там же. XI.4.

¹⁶ Там же. X.2.

включались в ранее знакомый мир. Особо выделяется в этих поэмах мотив путешествия в поисках земли. В поэмах демонстрируется, как христианство изменяет существовавшее в античности соотношение между землями и не-землями: пограничные территории, не-земли, последовательно превращаются в религиозные центры.

Если в гл. 5 специальному рассмотрению подвергся мотив путешествия, то в следующей за ней главе (гл. 6) исследовательница останавливает свое внимание на мотиве миграции. Источником здесь выступает местная англосаксонская поэзия, основанная на Священном Писании. Миграция подразумевает путешествие не с целью открыть, картографировать, а затем контролировать неизвестную до этого периферию, а с целью достичь предназначенной тому или иному народу обетованной земли. Та же тема присутствует в историографических прозаических повествованиях о движении англосаксов в Англию и о ее завоевании. Англосаксы никогда не забывали, что они пришли с континента. Это была их коллективная память, основа их коллективной идентичности. Она хранила образ англосаксов как заслуженно обосновавшихся на острове, но и (что сложнее для интерпретации) как жестоких захватчиков.

Третья часть — «Завоевание» — состоит всего из одной главы (гл. 7), посвященной нарративным стратегиям, применявшимся при описании завоевания Британии. В этой главе рассматриваются сочинения, которые с большим основанием можно отнести к разряду исторических, а именно хроники, но даже в них топография Британии не свободна от влияния *пространственного imaginaire*, т.е. от существующего в обществе представления о пространстве. В хрониках присутствуют описания Британии и рассказы о миграции германских племен с континента в Британию. Миграция и завоевание (захват, покорение) идут рука об руку, но захват ведет к формированию новой территориальной единицы, нового политического и ментального пространства, а значит, — это процесс созидания (творения). Итак, наконец, замыкается круг: вместе соединяются все три составляющие этой книги — миграция и завоевание вновь приводят к акту творения.

Но германские племена не жили в Британии изначально, и поэтому им пришлось в V–VI вв. завоевывать остров силой оружия. Авторы хроник применяют две нарративные стратегии, две «уловки», чтобы оправдать насилие: это — использование библейской риторики, указание на землю обетованную, на избранность народа англосаксов, с одной стороны, и использование героического стиля, в особенности превознесение их военной мощи — с другой. Так,

Беде пришлось изобразить германские племена (которые, по мнению Гильдаса, сформулированному в его «De Excidio Britonum», были наказанием Господним) как избранный народ, предназначенный для больших свершений в христианской церкви, а Англо-Саксонская хроника, напротив, превознесла силу англосаксов, которые военным захватом обосновали свое право на эту землю.

Суперобложка книги Ф. Мишле воспроизводит миниатюру из парижской рукописи *Liber Floridus* Ламберта Сент-Омерского (ок. 1120 г., рукопись ок. 1260 г.), на которой изображен император Август, держащий в правой руке меч, а в левой — «круг земной», разделенный на три части по принципу карт (*mappae mundi*) типа T-O¹⁷. Исследовательница полагает, что эта миниатюра отражает традиционный мотив — хороший правитель, будь то Цезарь, Август или Феодосий Флавий, непременно ассоциируется с картографическими предприятиями, ибо только идеальный правитель может сравняться с Творцом в постижении пространства. Тем самым, возникает топос: хороший правитель проводит кадастрирование всего обитаемого мира и создает карту мира (*mapa mundi*). Именно так, о чем свидетельствует миниатюра, воспринимает Ламберт Сент-Омерский императора Августа. Видимо, основанием для подобного отношения к императору послужил текст Евангелия от Луки (2.1) «*Exiit edictum a Cesare Augusto ut describeretur universus orbis*» («вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле»), который располагается по кругу изображения. И хотя в Библейском тексте речь идет о *переписи населения* (ср. 2.2: «Эта перепись была первая в правление Квирина Сириею»; 2.3: «И пошли все записываться, каждый в свой город»), слова «*describeretur universus orbis*» нередко прочитывались (и средневековыми, и современными) учеными как «описание круга земель»¹⁸. Иллюстрация отражает одну из основных идей монографии Ф. Мишле, а именно мысль о том, что знание мира, ощущение пространства, представление о пространстве и (символическое) доминирование в нем являются одним из неперменных условий жизни социума. Пространственный *imaginaire* одного социума — англосаксонской Англии — очень ярко и полно представлен в этой книге.

¹⁷ Та же иллюстрация повторяется и в тексте книги (с. 144).

¹⁸ См.: *Brincken A.D. von den. «...Ut describeretur universus orbis» / Zur Universalkartographie des Mittelalters // Methoden in Wissenschaft und Kunst des Mittelalters (Miscellanea Mediaevalia. 7). Berlin, 1970. S. 249–278.*